

Луи де Судак

Путешествие по Крыму Южный берег

(Избранные главы)

ImWerdenVerlag
München — Москва
2008

© Louis de Soudak «Voyage en Crimée. Côte meridionale». Calmann Levy. Paris 1892
Луи Бертрэн (Луи де Судак) «Путешествие по Крыму. Южный берег». Избранные главы.
© Перевод и публикация Геннадия Беднарчика, 2008
© <http://imwerden.de> – некоммерческое электронное издание, 2008

Севастополь (Ахтиар)

В море

Наш корабль берет курс на восток, чтобы войти на большой рейд. Слева мы проплываем вдоль гигантской приземистой Константиновской батареи, свернувшейся клубком у самого берега моря, как ужасная амфибия, днем и ночью стерегущая сушу и бухту с помощью сотен своих закопченных железных глоток. Продвигаясь вперед, мы оставляем справа от себя Артиллерийскую бухту, в глубине которой какой-то миноносец украдкой готовится к отплытию; грациозный Приморский бульвар, расположенный почти на уровне моря, с его зелеными аллеями и киосками. Затем, как только мы поворачиваем на юг в сторону пристани, перед нами раскрывается панорама обновленного красочного города, стыдливо маскирующего свои развалины, гордого тем, что, несмотря на все несчастья, выпавшие на его долю, он выглядит таким сильным и в то же время таким приветливым.

Повернувшись спиной к городу, в то время, как солдаты и матросы производят маневр по причаливанию к молу, я бросаю взгляд на бухту и ее окрестности. Прежде всего, мое внимание привлекают корабли Черноморского флота, стоящие совсем рядом с нами: три красавца-броненосца «Чесма», «Синоп», «Екатерина Вторая», оснащенные вооружением, начиная с башенных мачт и кончая глубинами самого киля. Борта этих кораблей усеяны портиками, внутри которых ясно угадываются зияющие глотки медных гаубиц; далее виднеются трубчатые дула пулеметов, вереницы узких орудий с бронзовым отливом, острые носы стальных торпед. И все это установлено в самых неожиданных местах: на ватерлинии, сзади вдоль ахтерштевня, спереди вплоть до тонкого наконечника волнореза, прямо, вкривь, на колесах, на рельсах, на валиках. Я задаюсь вопросом, не видение ли такого же современного монстра посетило Иова, когда он описывал своего Левиафана: «Крепкие щиты его – великолепие... Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка, или котла... Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь». И, когда я замечаю на носу этих совершенных военных машин имперского орла с двумя головами, сверкающего под солнцем Востока, естественным образом у меня в памяти всплывают библейские воспоминания, и именно эти слова пророка из Притчей срываются с моих губ: «Твоею ли мудростью, Господи, летает ястреб и направляет крылья свои на полдень? По Твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое?»

Слова с глубоким смыслом, определяющим проблему будущего России.

Мой взгляд скользит по канонеркам «Терец», «Запорожец», «Черномор», «Уралец»; по белому панцирю тяжелых «поповок», и далее я сразу же узнаю покатоги Северной стороны с ее артиллерийской казармой и знаменитым кладбищем, которое, расположившись на крутом склоне, с гордостью демонстрирует свои братские могилы, сгруппированные вокруг часовни пирамидальной формы.

Напротив меня Корабельная сторона венчает Доковую бухту с ее затянутыми дымом сухими доками и площадками, заставленными строительными лесами, откуда днем, а иногда и ночью при электрическом свете доносится скрежет металла о металл. Именно на этих высотах, недалеко от недавно построенных гигантских казарм расположен знаменитый Малахов курган, лишенный своей исторической башни. А над всем этим – над рейдами, доками и арсеналами – высится импозантная бронзовая статуя адмирала Лазарева...

– Да, мой дорогой соотечественник. Наш Севастополь оперился заново, как ястреб Иереми!

Воспоминания об осаде

Гранд-Отель, в котором я остановился, одной стороной выходит в порт, а другой, фасадной, непосредственно сливается с Екатерининской улицей, наиболее пострадавшей во время осады. Эта улица, протянувшаяся вдоль Южной бухты с востока на запад и ведущая к Историческому бульвару, естественным образом привлекает мое внимание. Я вспоминаю, как всего несколько лет назад проходил по этой мрачной, пыльной улице, окаймленной развалинами, перед которыми почти благоговел, считая их священными и вечными.

Я ошибался. Город освобождается от руин, и, наблюдая за этим возрождением, мне представляется тяжелораненый атлет, который, чувствуя, как жизнь медленно возвращается в его члены, осторожно приподнимается, чтобы при первой же возможности резко вскочить и в полном вооружении, с новыми силами выступить против врага.

Впрочем, сегодня мое сердце и мой взор обращены только на то, что напоминает мне об осаде. Прежде всего я миную дом, в котором во время войны жил бесстрашный адмирал Нахимов, и, несмотря на неказистость этого здания, приветствую его низким поклоном. Проходящий мимо молодой курсант, удивленный увиденным, отдал мне честь в ответ. Я провожаю его взглядом. У этого молодого моряка очень красивая, уверенная походка. Глядя на него, я говорю себе, что ни Нахимов, ни Севастополь не повержены, как это было принято считать.

Пройдя немного далее, я наталкиваюсь на толстую черную гаубицу, гадкую железную амфибию, обозначающую вход в музей. В этом музее нет ничего особо привлекательного, не считая белой фуражки Нахимова с двумя черными дырами и программки небольшого французского праздника периода осады, написанной от руки. Здесь также имеется оружие, захваченное у неприятеля, несколько снарядов, выглядящих в наше время, как детские игрушки; разбросанные вдоль длинного стола альбомы с гравюрами, подшивки иллюстрированных журналов и газет периода военных действий. В конечном счете, главным экспонатом музея является его смотритель – ветеран 1854 года, с потухшим взором, волочащий ногу, сгибающийся под гнетом своих таких же старых, как и он сам, наград. Я спрашиваю у него, нравятся ли ему французы. Указывая дрожащим пальцем на программку французского праздника, он отвечает: «Очень нравятся». И все его морщины разглаживаются в задиристой улыбке.

Продолжив свой путь, вскоре с правой стороны я замечаю огромный, потрескавшийся, выделяющийся на фоне голубого неба, как разорванный экран, фасад дома; а позади него – груды камней, лежащие на земле, давно позабывшей о том, что такое цветы. Как раз напротив этого фасада, на другой стороне улицы продолжается вереница развороченных стен, обрушившихся

лестниц, обнаженных внутренних дворики. Затем, выше, вдоль холмистого склона – вновь лежащие друг на друге этажи, кучи разбитых, раздробленных в пыль материалов: неотесанный известняк, обработанный камень, размытый дождями строительный мусор. На самом верху – перегородка, накрытая куском потолка со свисающими, как высохшие лианы, рейками; а рядом, в промежутке между двух оконных рам – разбитая печь с ее закопченной душой.

Впрочем, по мере моего продвижения по улице, руин становится все меньше и меньше, да и сами развалины выглядят менее скорбно: новые дома, непосредственно соседствующие со своими старшими разрушенными братьями, передают последним определенную порцию своей жизненной силы. А слева, в просветах между улочками, спускающимися к морю, иногда высвечивается рейд со своей белой короной казарм и огромными клетями арсеналов.

Тем временем, Екатериненская улица незаметно приводит меня на площадь Новосильцева, как бы служащей основанием кургану, на котором располагался Четвертый бастион русских, прозванный нами «Мачтовый бастион» и ставший сегодня Историческим бульваром. Я огибаю эту площадь с левой стороны и подхожу к низкой калитке с зеленой решеткой, открывающей доступ на знаменитый бульвар. Мгновение спустя, я достигаю вершины кургана, с которой открывается панорамный вид на театр военных действий.

Видение

Всякий раз, когда мне выпадал случай восхищаться этим зрелищем, я настолько привык ассоциировать каждую складку местности с трагическим событием истории, что и на этот раз как бы пелена спадает с глаз, и у меня возникает видение.

Слева, с западной стороны, там, где Херсонесское плато выдвинуло в море шпору своей косы, расположена Камышовая бухта. Здесь стоит французский флот под командованием адмирала Брюа. Для французов Камышовая бухта – это открытая дверь во Францию; именно сюда поступает вооружение для победы, продовольствие, чтобы не умереть с голода, и новости для поддержания духа.

Но «Камышовка» – это еще и притон для целой своры мелких поставщиков, ненасытных паразитов, как хищные птицы, обожающих войну. Отсюда с трудом различаешь черты городка, выстроенного этими хищниками: несколько бараков и, выделяющееся на фоне синего моря, белое пятно палаток.

Начиная с этого места, поднимаясь к востоку, Херсонесское плато разворачивает свой треугольник, местами прорезанный глубокими перекрещивающимися балками, которые, соединяясь и разъединяясь, вскарабкавшись на окружающие горы, теряются за горизонтом. Все это пространство километров десять в диаметре усеяно белыми палатками. Они повсюду. И на ярком солнце после зимней выюги эти палатки похожи на снежные конусы, заполняющие овраги, окаймляющие горные хребты и обрамляющие курганы.

По мере приближения к городу картина постепенно меняется. Более ни одной палатки. Земля, опять земля, ничего, кроме земли, изрытой, перевернутой, просеянной, скученной в насыпь, порезанной на траншеи, продырявленной ядрами, выдолбленной для устройства закрытых проходов. И все это в угрожающей и таинственной симметрии, выдающей точный расчет, понятный только посвященным.

На самых высоких холмах заметны несколько бастионов и, несмотря на расстояние в 3000 метров от города, виден также наблюдательный пункт французского генерального штаба с его хрупкими стенами из известняка и с натянутым сверху, колыхающимся на ветру полотнищем. Далее к югу английские укрепленные позиции уже почти вплотную приближаются к французским. На первый взгляд, эти позиции кажутся мне менее защищенными, но надо признать, что английские батареи многочисленны и умело оборудованы.

Мертвая, угрожающая тишина висит над всем лагерем союзников. Только иногда короткий сигнал горна, как крик в катакомбах, а затем опять гнетущая тишина, еще более мрачная, более угрожающая. Несколько отблесков штыков, скользящих вдоль вершины откоса; их было бы невозможно заметить, если бы время от времени солнечный луч не проходил бы по этим штыкам. В отдалении из глубины оврага поднимается белый дым подземной кухни.

Передо мной раскрывается панорама прекрасно защищенного Севастополя. Длинная оборонительная стена Карантинной бухты, Четвертый, или Мачтовый, бастион вместе с Центральным бастионом похожи на укрепленные островки, омываемые молчаливыми неподвижными волнами земли, еще более устрашающими, чем морские волны. Окраины пустыни, город вымер. Некоторое движение наблюдается лишь в районе бухты, там, где расположены арсеналы. Какое-то время я слежу взглядом за многочисленными военными рабочими, суетящимися на палубе корабля. В основном, они занимаются перевозкой снарядов, штабеля которых виднеются отсюда. Наконец, над Доковой бухтой я узнаю, хоть и поврежденную первыми снарядами, но очень крепкую старую башню Малахова кургана. С севера это полотно ограничивают склоны и плато Северной стороны. А в порту, как в лучшие мирные дни, в прозрачной голубой воде стоят несколько уснувших кораблей: это все, что осталось от русского флота, затопленного с целью защиты рейда от эскадры союзников.

Вид осажденного города, вернее, этих двух укрепленных лагерей, погружает меня в раздумья. Я размышляю об этих военачальниках, на которых давит груз ответственности за такое количество человеческих жизней, думаю о монархах, назначающих этих командующих, о Боге, который благословляет монархов на войну, о несчастном человечестве, возлагающем все свои надежды на этого Бога. Я думаю о нашем маршале Сент-Арно, о всех его достоинствах, кроме одного недостатка: нежелании вовремя расстаться со слишком тяжелым для этого человека жезлом главнокомандующего; думаю о раненном при Ватерлоо, важном и учтивом лорде Рагланде, больше дипломате, чем командующим армией. Среди наших благородных противников я думаю о высокомерном и заносчивом Меншикове, не умеющим льстить вышестоящим, о Меншикове, который полагал, что, отдав нам Севастополь, который мы не сумели вовремя взять, он поступил как истинный стратег и патриот. С особым восхищением я думаю о Корнилове и Нахимове, морских офицерах, вынужденных внезапно, несмотря на старые предрассудки, возглавить командование сухопутными войсками. Думаю об инженере Тотлебене, возвышенной душе обороны Севастополя. И все же в моем сердце теплится надежда. Я говорю себе, что у нас тоже есть Канробер, Ниель, Лурмель и Пелисье, что им все-таки удастся одержать верх и что они будут милосердны к своим великим побежденным. Я думаю о...

Внезапно холм, с которого я веду наблюдение, с треском приоткрывается и выпускает наружу смерч дыма. В ту же секунду все позиции русских окутываются белыми султанами. Воздух разрывается страшным воем. Союзники отвечают без промедления. По всей линии извилистых гребней их оборонительных сооружений я замечаю неоднократно появляющиеся букеты молочного дыма. Все это сопровождается неопишмым, непрерывным, адским грохотом, как

будто все громы и грозы вдруг одновременно разразились над этим маленьким уголком полуострова. Воздух, прочерченный ядрами, бомбами и ракетами, свистит, шипит, трещит, завывает, ржет и мычит. Страшный шум, в котором смешались крики животных, людей и всего на свете. Это можно сравнить с разбушевавшимся, проливным потоком между небом и землей, который захватывает, ударяет, разбивает, дробит железные снаряды, постоянно выплевывая этот гремящий град. Под этим потоком земля вскипает, как вода.

Повсюду – лишь густые черные облака пыли, которые, смешиваясь со все более уплотняющимся белым дымом, тяжело поднимаются к солнцу, полностью закрывая его. Я с трудом различаю «окопников», ползущих по ходам сообщения, командиров на брустверах ближайших батарей, которые, при крике наблюдателей: «Осторожно, бомба!», бросаются на землю, вновь поднимаются, снова бросаются, чтобы, иногда, уже не встать никогда. И все же, как только солнце начинает заходить, батареи одна за одной постепенно умолкают и вскоре остаются слышны лишь отдельные угасающие залпы. Наступает торжественная скорбная тишина. Грязные, тошнотворные облака, поднявшись вверх, рассеиваются, и чистое небо озаряется лучами заходящего солнца. Батареи уже давно молчат, однако где-то там далеко, в ущельях Яйлы еще долго не умолкает эхо разрывов. Незаметно все погружается во тьму: город и его порт, линии атаки и обороны. Я уже с большим трудом различаю многочисленные силуэты рабочих, которые под прикрытием батальонов охраны выходят на ремонт и рытье траншей и шахт. Молча, в согнутом виде, они передвигаются с лопатой или киркой на спине, постоянно прислушиваясь к малейшему шороху. Иногда эти люди идут на цыпочках, иногда, на коленях, иногда, на руках. Они карабкаются, ползут, прыгают и исчезают...

И в этой беспокойной черной ночной тишине отчетливо слышится галоп лошадей. Без сомнения, сейчас выясняются результаты дневных боевых действий, передаются указания для нового наступающего противоборства. В некоторых местах со стороны союзников уже прозвучали сигналы горна и дробь барабана. И вновь тишина. Ни одного огонька. Чувствуется, что сейчас произойдет что-то ужасное. После дневного сражения наступает время ночной бойни...

И действительно, в нескольких шагах от меня стремительно взмывает к небу шлейф огня, сопровождаемый характерным сухим звуком разрываемого холста. Это сигнальная ракета, на которую русские батареи отвечают мощным единым залпом.

Внезапно ощущаешь, как будто на всем протяжении передовых линий земля проваливается в кратеры, внезапное и синхронное извержение из которых несет потоки пылающей лавы по направлению к вершинам склонов и глубинам оврагов. Одновременно с землей огонь охватывает и воздух. В небе перекрещиваются гигантские красные шары, змеятся фантастические вспышки: со всех сторон летят зловещие метеоры, несущие разрушения, пожары и смерть. Извержение сопровождается дневным грохотом, недавно умолкнувшее эхо от которого вновь начинает стонать и охать. И все это страшное пламя становится еще мрачней на фоне погребального крепа из тяжелого смрадного дыма, поднимающего свой траур до самых звезд.

Кажется, в районе Карантинной бухты пожарище вспыхивает с новой силой. Огонь батарей концентрируется на этой яростной плавильне, откуда, сначала неразборчиво, затем все более отчетливо доносятся возгласы. Несмотря на грохот перестрелки, перекрывая непрекращающиеся разрывы, слышны сигналы к атаке, звуки горнов, бешеное «ура» и жалобные, разрывающие сердце, крики в темноте. К кому обращены эти мучительные мольбы? Может быть, к

нашей милой Франции, или к их дорогой России... Да, вообще, все равно! Безразличный бриз уносит эти крики в ту сторону, куда он сейчас дует.

Тем временем в городе, в разных местах, вспыхивают пожары. Они освещают окружающие дома, и издали эти мрачные, кровавые, дрожащие отблески на фоне белизны фасадов заставляют меня содрогнуться, особенно в тот момент, когда я слышу, как рушатся этажи и трещат остовы пустых квартир.

Неожиданно батареи Карантинной бухты затихают, перестрелка прекращается. Но вот вновь наши горнисты во всю силу своих легких трубят сигнал к атаке, между тем, как крики «ура» переходят в яростный бессильный вой. Что же происходит сейчас в этой ночной дыре, еще совсем недавно пылавшей красным жаром? Это ужасающая тайна, покрытая мраком.

В тот самый момент, как в городе вспыхивает очередной пожар, ярко озаряющий колонны перестилы церкви святых Петра и Павла, на воздух взлетает французский пороховой погреб, расположенный напротив Центрального бастиона. Земля содрогается от взрыва, а на горизонте возникает грязно-багряный занавес. Это ошеломляющее сотрясение, кажется, окончательно заставляет умолкнуть обессиленные батареи.

Еще иногда, то там, то здесь слышны отдельные ружейные выстрелы, несколько мстительных снарядов, последние прощальные ракеты. Пожары угасают. Небо медленно очищается. В его предраассветной бледной синеве вновь засверкали звезды.

Совсем рядом со мною у подножья изрытого металлом Мачтового бастиона проходят длинные вереницы носилок со стонущими ранеными, молящими о быстрой смерти. Все они направляются в лазарет, расположенный в страшном доме Гоншина, где днем и ночью с кровавым скальпелем в руках царит знаменитый и беспощадный Пирогов.

Я в ужасе вздрагиваю при виде этой картины, волосы мои встают дыбом, но по мере того, как видение рассеивается, я замечаю, что день клонится к закату и медленным шагом, идя по Морской улице, возвращаюсь к себе в гостиницу.

Севастополь сегодня

Прежде чем посетить окрестности Севастополя, я выделяю себе еще несколько часов для прогулки по городу. Приятный бриз смягчает сегодня послеобеденную жару; сверкающее солнце золотит камни, подчеркивает тени, согревает все оттенки цвета. Погода благоприятствует нам, воспользуемся этим.

С первых шагов я оказываюсь у величественного здания морской библиотеки с ее пилястрами и греческим фасадом, увенчанным барельефом, описывающим всю историю покорения Крыма русскими. Немного далее за скромной колоннадой входа угадывается такое же грациозное здание Офицерского собрания. Я пересекаю его садик и подхожу к каменной ажурной калитке, открывающей вход на лестницу Мичманского бульвара. У входа на этот бульвар на пьедестале из серого камня установлена трирема. Этот монумент был установлен в память о капитане Казарском, который в 1828 году спас свой бриг Меркурий, выведя его из под перекрестного обстрела двух турецких кораблей. Я огибаю бронзовую трирему и попадаю на центральную аллею. Когда-то здесь было очень много посетителей, сейчас же, после создания Приморского бульвара все стало пустынным. Отсюда открывается прекрасный вид на рейд и на некоторые городские кварталы, и все же Мичманский бульвар пережил свою минуту капризной славы и уж более не возродится.

Между тем, в конце аллеи возле пустующего кафе с дремлющим у стойки официантом я, наконец-то, замечаю по-настоящему живого, но несколько странного человека. Это молодой русский офицер, сидящий на скамейке под прямыми лучами палящего солнца. Впалые щеки, сдавливающие и прижимающие грудь к земле плечи. Он держит корзинку с виноградом и с детской наивностью своими худыми пальцами отщипывает виноградинку за виноградинкой, осторожно пережевывая их и странно поглядывая на уже желтеющую листву деревьев.

Отсюда я поднимаюсь к ясно выделяющемуся собору святого Владимира. Осмотрев верхний неф с его яркой и слишком традиционной живописью, я спускаюсь в крипту, где под одним общим мраморным георгиевским крестом покоятся: Лазарев, основатель Черноморского флота; Корнилов, один из активнейших организаторов обороны; блестящий, образованный, милый, как само его имя, Истомин, у которого бомбой оторвало голову; наконец, морской волк Нахимов, для моряков просто Павел Степанович, герой, рождающий героев не словами, а своими поступками, человек, который с решительной простотой успокаивал отчаявшихся: «Не беспокойтесь, мы все здесь останемся». Не знаю почему, но я просто обожаю этого Нахимова. Я вижу его таким, как описывали нам этого человека свидетели обороны Севастополя: в форме морского офицера, с большими эполетами, с хлыстом в руке верхом на маленькой казацкой лошади в сопровождении одного единственного казака. В фуражке, надвинутой по самую шею, с выглядывающими из-под нее седыми волосами у виска, в брюках без штрипок, задравшихся до колен и обнаживших кальсоны с голенищами сапог, Нахимов ежедневно объезжал позиции вдоль брустверов. Пули и снаряды роем пролетали вокруг него, но наш адмирал из-за таких пустяков не погонял и не беспокоил свою жалкую клячу. Кроме того, как он сам выразился, адмирал знал, что рано или поздно он тоже ляжет здесь. Так и произошло. Вот его могила рядом со своими братьями по оружию и их учителем Лазаревым. Нет, когда узнаешь о жизни таких героев, нельзя считать их побежденными. Просто они слишком многое совершили, чтобы не только не познать горечь поражения, но и быть увенчанными лаврами французского Капитолия. Нет, это не побежденные и не победители. Это – избранные.

Выйдя из собора, я долго брожу среди невзрачных, малолюдных кварталов. Вот я прохожу женскую гимназию, далее – группа разрушенных домов; слева – в неожиданном проеме – открывается вид на рейд; справа по склону оврага карабкается вверх городская квартал.

Продолжая свой путь, иногда я останавливаюсь у какой-то двери, у какого-то окна, посередине улицы, на углу тротуара, чтобы разглядеть след от пули или подобрать осколки античной статуи. Между тем, я делаю почетную остановку у небольшой церкви Петра и Павла и с большим удовольствием констатирую хороший вкус реставрационных работ. Этот храм с греческим периптером такой элегантен! Он напоминает мне афинские храмы. Конечно, здание немного контрастирует с массивным православным куполом, но на фоне крымского неба, так сильно похожего на небо Аттики, храм смотрится совсем неплохо.

Я поворачиваю на запад и, спустившись по склону оврага, перейдя каменный мостик, вновь взбираюсь по обратной стороне. Оставляя позади себя дома и море, улыбающееся мне в промежутках между этими домами, я продолжаю свою прогулку по этому симпатичному городу. Постройки данного района не отличаются чем-то особенным. Это простые домики окраин, построенные на неровной земле, слегка выровненные вдоль склона, что создает вид улицы. Как только справа от меня открывается вид на Херсонес, я возвращаюсь назад и

спускаюсь на Морскую улицу. Эта улица вместе с Екатерининской и проспектом Нахимова создает эллиптическую дугу, включающую в себя самую красивую часть города. Все эти улицы хорошо вымощены, большое количество не очень крупных, но различных по архитектуре новых зданий, приятных глазу. Здесь мне встречается много народа: дамы в изящных летних нарядах, маленькие гимназистки в коричневых платьицах с белым фартуком; возвращающиеся с работы рабочие в красных блузах; военные; эlegantные морские офицеры с перламутровыми кортиками на боку; моряки, много моряков со сдвинутой набекрень бескозыркой и нагловатой походкой, как бы говорящих мне всем своим видом: «Эй ты, штатский, здесь – моя территория!»

Ступив на проспект Нахимова, я встречаю одного такого морского забияку. Его, пьяно шатающегося, ведут под руки товарищи. Он очень крепко сложен, у этого моряка красивое загорелое лицо, но, увы, водка не делает его лучше. Ну вот, у моего французского «брата-пьяницы» и здесь появился собутыльник!

Наступает ночь. Зажигаются фонари. Я заканчиваю свою прогулку на Приморском бульваре, сидя на террасе ресторана, где мне подают, без сомнения, заслуженный мною сегодня ужин. Приступая к закускам, все еще будучи под впечатлением моей долгой прогулки, я вспоминаю необычный эпизод, рассказанный мне одним офицером, участником обороны:

«Однажды ночью часовой, стоящий у колодца Карантинной бухты, заметил женщину, одетую в белое. Она приблизилась к нему и начала умолять спрятать ее и никому не выдавать, даже под страхом смерти. Часовой спрятал неизвестную. Вскоре появился один всадник на черном коне, затем другой в красной накидке, наконец, третий в белых одеждах, в доспехах на белом коне. Все трое спросили у часового не видел ли он здесь женщину. «Я никого не видел», – ответил солдат. И только когда последний белый всадник удалился, из-за укрытия вышла эта женщина и объяснила перепуганному часовому значение того, что он только что видел: черный всадник вещал о том, что от Севастополя скоро не останется камня на камне, красный обозначал пожары и пролитую кровь, а белый то, что город восстанет из руин и будет еще краше, чем прежде».

Пророчество этой женщины полностью сбылось. Правда, пока еще Севастополь находится под тяжелым впечатлением от императорского указа, определяющего город как исключительно военный порт и переводящий все коммерческие перевозки в Феодосию, но я думаю, что Севастополь быстро согласится на то, чтобы вместо невзрачного торгового порта стать серьезным российским Тулоном¹.

Настала ночь – большой рейд зажигается всеми огнями эскадры, прожектора которой время от времени прорезают город своими лучами. В нескольких шагах от меня военный оркестр громко, но с переменным успехом исполняет попури. Много гуляющих, особенно в аллеях центрального сквера. Столики ресторана постепенно заполняются публикой. Здесь можно увидеть множество морских офицеров с приличными манерами, явно связанных между собой крепкими узами братства. Можно увидеть и дам, одна из которых очень изящно покуривает, что редко заметишь среди... курящих дам.

Со стороны моря доносится хоровое православное пение: эскадра исполняет молитву. Оркестр продолжает играть попури, и вдруг гремит Марсельеза. О, суета сует! Мне кажется, что все взоры устремлены в мою сторону.

¹ Тулон – крупный военный порт Франции. – Прим. переводчика.

После бурного финала музыка умолкает. Над молящейся эскадрой встает луна.

Окрестности Севастополя

Мыс Партенион

Изучая конфигурацию окружающей меня береговой полосы, я пальцем следую за описанием, оставленным нам Страбоном, и никак не могу понять, почему до сих пор не пришли к единому мнению о том, где на самом деле находился Партенион со своим храмом и фигурой Дианы или Девственницы. Одни видят его на мысе Херсонес, другие – на мысе Фиолент, третьи (и они абсолютно правы) – на мысе Айя, четвертые – на Аю-Даге; есть и такие, кто для примирения всех мнений полагает, что храмы Дианы были расположены на всех крымских мысах.

Впрочем, несмотря на то, что в этом вопросе текст Страбона действительно может показаться неоднозначным, я полагаю, что нам будет нетрудно разобраться в особенно запутанных моментах, выстроив между ними логическую цепочку.

А вот и само свидетельство: «Между городом (то есть Новым Херсонесом) и выступом (Партенионом) расположены три бухты, затем следует старый, разрушенный Херсонес, а после него – Симболон (Балаклава), куда ведет узкий проход».

Эта фраза должна быть прокомментирована следующим образом: между городом и выступом имеются три бухты, затем (все также подразумевается: между городом и выступом) идет старый разрушенный Херсонес, а после него (опять имеется в виду: между между городом и выступом) – Симболон, куда проникаешь по узкому проходу. Доказательство правдивости этой версии мы находим в точном описании расстояний, приведенных Страбоном. Я признаю, что знаменитый кападосский географ не всегда был абсолютно точен в своих расчетах, однако он все же был достаточно осторожен с цифрами. Итак, Страбон определяет в сорок стадий то, что он называл Херсонесский перешеек, защищенный с востока оборонительной стеной, идущей от Севастополя до Балаклавы.

Географ располагает Партенион в ста стадиях от Херсонеса. Становится очевидным, что священный мыс находился за чертой оборонительной стены, то есть, за Балаклавой.

Это не был ни Херсонесский мыс, ни мыс Фиолент. Это был мыс Айя-Бурун, на котором еще в начале этого века¹ можно было увидеть остатки древних сооружений, что подтверждает наше мнение.

Извини меня, читатель, за это отступление из-за моей большой любви к Ифигении.

Сейчас я нахожусь под тенью небольшого вяза. Очарованный окружающим видом, я присаживаюсь на траву, а затем растягиваюсь на ней. Два часа дня. Начало августа. Солнце теплыми светлыми лучами проникает в мое тело. Глаза слипаются, мозги тоже. Передо мной возникает небо цвета скал, скалы

¹ XIX-го века – Прим. переводчика.

бирюзового оттенка; где-то рушатся утесы, какой-то археолог грозит мне кулаком, а загадочный Страбон подмигивает одним глазом. Я засыпаю... Я сплю...

И именно в тот момент, когда мне снится самый мифологический сон в мире, внезапный звон монастырского колокола будит меня. Судите сами об этом сне:

– Передо мной предстала сама Диана Таврополитанская, с длинными, ниспадающими волосами цвета золотой соломы, с нежной, розовой, как внутренность раковины, кожей, с поступью богини. Но больше всего, даже больше ее олимпийского взора, меня привлекла ее родинка, расположенная чуть выше котурна, там, где...

О чем это я? Ведь это никого не интересует! Без сомнения, именно мыс Партенион наслал на меня такое обманчивое видение... О, небо! Уже четыре часа дня. Иван решит, что я покончил собой!

Возвращаясь назад, я встречаю по дороге монаха с длинными женскими волосами кукурузного цвета, в старой дырявой соломенной шляпе. Он приветствует меня таким глубоким поклоном, как кланяются только кресту, и идет дальше своею дорогою, грубый, нескладный, в слишком узкой сутане, которая, кажется, только одна и спасает его расшатанные члены от неминуемого рассыпания.

Вернувшись на плато, я делаю несколько шагов влево, чтобы лучше рассмотреть этот священный выступ. Он такой, каким бы мне и хотелось видеть его: строгий, гармоничный, грациозно соприкасающийся с морем, как со своей подругой. Я пытаюсь угадать месторасположение храма Дианы, камня, на который, без сомнения, присаживалась Ифигения, всматриваясь в горизонт со стороны Аргоса, пытаюсь увидеть светлую точку силуэта молодой жрицы в белом одеянии, направляющейся к алтарю. Мне кажется, что я различаю даже потайное убежище, где прятался Орест, высматривая ту, кого он хотел похитить. А вот и стоянка триремы освободителя. Я все более и более проникаюсь любовью к этой царской дочери за ее героизм, за ее страдания и веру. Я чувствую, что постепенно становлюсь варваром и начинаю верить в эти кровавые жертвоприношения... Быстрее – в экипаж, а то я и вправду превращусь в язычника!

Французское кладбище

Это кладбище находится в трех километрах от Севастополя. Чтобы попасть туда, я вновь, на этот раз в экипаже, проезжаю всю Екатериненскую улицу, затем площадь Новосильцева и попадаю на дорогу в Ялту, проходящую по Херсонесскому плато. Эта неровная, плоховымощенная дорога, покрытая толстым мягким слоем пыли, на своем восточном участке Балаклавского направления пересекает укрепления французского лагеря. Поэтому по обе стороны шоссе до самого горизонта тянется перекопанная земля. Кажется, что вся поверхность плато смята судорожными пальцами отчаявшегося Титана. На протяжении нескольких верст эти многочисленные складки земли пересекаются, завязываются в узлы, стираются, возникают вновь, разрываются или группируются в разнообразные выпуклости, рельеф которых время от времени ярко вырисовывается на горизонте.

И, несмотря на то, что ветра и снега тридцати пяти зим несколько повредили траншеи, редуты и батареи, все же сегодня пока еще довольно легко проследить всю эту оборонительную линию.

Но сейчас меня заинтриговали многочисленные лоскутки бумаги, заполнившие вокруг абсолютно все углубления. Проезд нашего экипажа поднял в воздух целую кучу этих голубых бумажных бабочек. Не найдя объяснения этому явлению, я решаю обратиться за помощью к своему кучеру Ивану.

«Барин, – отвечает тот, почесывая затылок, – это пыжи для патронов, используемые при стрельбе из ружья...» Его объяснение было внезапно прервано мощным залпом со стороны недалеко расположенного стрельбища. Я вскричал:

«Да, конечно, *si vis pacem¹*» и, облокотившись на набалдашник своей палки, погрузился в размышления. Мой Иван, не понимающий латыни, обернулся, с улыбкой посмотрел на меня, вновь отвернулся, презрительно пожал плечами и подстегнул лошадей. Я почувствовал, что мой кучер выставил мне свою оценку. Я для него – тот, кто я есть на самом деле: грубый остряк, просто француз.

Вскоре мы покинули шоссе и повернули вправо. Лошади Ивана бегут очень резво, и вот уже наш экипаж – в трехстах метрах от заметного еще издали кладбищенского забора. Короткая аллея из акаций, защищенная столбиками с натянутой железной проволокой, ведет меня ко входу на кладбище. Слева от ворот расположен дом смотрителя, а в центре сквера прямо передо мной высится мавзолей, в котором покоятся французские генералы, офицеры штаба, интенданты и капелланы, погибшие на полях сражений. Простая и строгая архитектура этого склепа людей войны очень хорошо соответствует своему назначению. В этот мавзолей входишь через сводчатую металлическую дверь. Спустившись вниз на несколько ступенек, попадаешь в узкий коридор, в боковые стены которого помещены лежащие друг на друге гробы. Этот коридор длиной чуть более двух метров ведет к еще одному узкому поперечному проходу. Здесь возведен маленький алтарь, украшенный несколькими венками и увенчанный серебряным крестом. Некоторое время в почтительном молчании я передвигаюсь меж этих гробовых стен. Под каждым захоронением от пола до потолка золотыми буквами выгравированы имена погибших. Я хочу прочесть все эти имена, самые забытые из которых заслуживают такой же славы, как и те, что помнятся. Эти надписи я повторяю с набожностью святого, произносящего свою молитву.

Вот стою я здесь в окружении солдат, моих братьев-героев, и чем больше чувство гордости охватывает меня, тем сильнее моя благодарность этим людям. Но в тот момент, когда сердце мое переполнено высокими чувствами, я с особой горечью бросаю взгляд на эти тюремные стены, железную дверь, стертые буквы, венки, покрытые плесенью, на всю эту чужую землю, на небо изгнания, на одиночество ночи и дня!..

И только вид креста, старого доброго креста наших французских колоколен успокаивает мою душу. Я склоняю голову и осознанно произношу молитву.

Другие склепы на равном расстоянии расположены вдоль кладбищенской стены. Их архитектура максимально проста: четыре белые стены под коньковой крышей и железная дверь с черной надписью над ней. Внутри – крипта. К ней ведет лестница, зажатая между стен в форме каменных гробов.

Внизу – узкая площадка с подвижной плитой. Посередине плиты – кольцо. Здесь нет имен, здесь лежат простые солдаты, рабочие победы.

¹ Если хочешь мира, готовься к войне. (лат.)

В общем плане кладбище выглядит вполне прилично. Конечно, я бы предпочел еще флаги, фанфары, чтобы каждое имя, выложенное рубинами, сверкало бы на мраморе днем и ночью. Но для того, чтобы удовлетвориться тем, что есть сейчас, мне достаточно вспомнить о том, как это выглядело прежде.

Скверик – это все, что можно было бы создать на этом открытом всем ветрам, засушливом плато. Аллеи содержатся в чистоте, деревья ухожены. И все же можно было бы заменить бетоном или каким-нибудь асфальтом крошащийся цемент канавок, идущих вдоль фундамента склепов. Каждый год с появлением первых холодов этот потрескавшийся цемент пропускает влагу на тела несчастных, достаточно уже пострадавших за время десяти долгих месяцев осады.

Балаклава

Название «Балаклава», которое сегодня носит древний Симболон, происходит, несомненно, от измененного «Палакиум», названия греческой крепости, защищавшей окрестные высоты. Этот маленький порт был по очереди: известным убежищем для торговых кораблей Греции и Италии, чудесно упрятым логовом мошенников и контрабандистов всех стран, неприступным укреплением от набегов татар, знаменитой базой английских войск во время войны и, вот уже на протяжении нескольких лет, – местопребыванием одного француза, производящего сардины в Провансальском масле с добавлением маленьких красных лобанов и кунжутowego масла.

Да, Балаклава имеет славные страницы в своих исторических анналах. Это место, прославившееся в абсолютно разных областях, расположено в двенадцати верстах от Севастополя в горной воронке, к которой в южном направлении от моря ведет узкая расщелина. Сюда можно добраться по той же Ялтинской дороге, которая идет на французское кладбище, и где-то на десятой версте есть поворот на Кадыкой и Балаклаву.

Сама деревня не представляет никакого интереса. Собственно говоря, она состоит из одной улицы и нескольких купален, наспех сооруженных у берега моря. Но по-настоящему живописен этот горный цирк, который внезапно, как бы гигантской рукой, укрощает дикое море и превращает его в тихое, спокойное, даже во время самых ужасных штормов, создание. Под этим мощным влиянием море становится простым голубым прозрачным озером с погруженными в него горными уступами. Греки-рыбаки постоянно тревожат эту пленительную гладь своими веслами и сетями со свинцовыми грузилами. И когда в полуденной тишине они начинают перекликаться, горное эхо вторит им. Это очаровательное озеро, похожее на сапфир, помещенный в круглую чашу, отличается своим каким-то сдержанным изяществом...

Кажется, где-то здесь была пришвартована прогулочная яхта лорда Кардигана, на которой во время войны он мог в условиях комфорта мирных дней отведать блюда своего французского повара, тогда как старик Реглан мерз со своими солдатами на холоде среди пуль и снарядов. Какой контраст с мужественным Нахимовым, который, крейсируя в ледяную стужу у берегов Синопа, писал в интендантство: «Я снял свою теплую рубаху и не надену ее до тех пор, пока вы не оденете в теплое всех моих матросов». Каково, а?! Я сравниваю этого человека с героями Плутарха!

Как бы то ни было, Балаклава является одним из тех дивных убежищ, где Гомер всегда находил каких-то особых местных нимф. При этом надо признать, что разрушенная крепость, нависшая над узким проходом в гавань, придает этому пейзажу определенную суровость. Старинная генуэзская цитадель состоит из нескольких башен, связанных между собою стеною, которая, взобравшись по крутому склону на вершину, заворачивает затем на запад к открытому морю. С той стороны гора резко обрывается и далеко уходит в морскую глубину. В штормовую погоду бессильные гневные волны вместе с неосторожными кораблями частенько разбиваются об эту неприступную преграду.

Остатки крепостных стен не представляют сегодня для нас никакого интереса. Башни же крепости, некогда носившие прекрасные надписи и оригинальные барельефы, превратились в руины, покрытые ржавым мхом.

Покидая Балаклаву по дороге в Севастополь, я вскоре оказываюсь у деревни Кадыкой с широкой равниной, тянущейся по ту сторону Ялтинского шоссе. Вот то знаменитое поле Балаклавского сражения, где были уничтожены драгуны Энискиллена, вся легкая кавалерия англичан и наши африканские стрелки. Один очевидец этого боя рассказывал мне, что самым ужасным и душераздирающим в этой роковой атаке были лошади. Всегда послушные, эти несчастные животные раз за разом налетали на врага, встречавшего их шквальным огнем. И тогда они либо, немного покачавшись, падали на землю, увлекая за собой седока, либо, обезумев от боли и страха, прыгали назад, сквозь ряды следующего эскадрона, топча убитых, выбивая из седла живых; они резко противились общему наступательному движению, заливая кровью из своих страшных ран все и вся, волоча свои внутренности по мертвым и раненым, примешивая к крику агонизирующих жалобное ржание. Эти животные безнадежно возмущались своим жестоким хозяином, другом-предателем, мучающим их непонятно за что.

Впрочем, надо отдать должное тому, что английские лошади знавали времена и мирных побед. У них был свой ипподром, гладкий бег и скачки с препятствиями, свои жокеи в шелковом сюртуке, кожаных штанах и сапогах наездника; были свои амазонки с бархатными шляпами и развевающимися платьями, те самые улыбочивые амазонки, которых можно было часто видеть в дни сражений, скачущих по горам.

Этот ипподром находился в Карани, слева позади от Кадыкоя. Иногда сюда собиралось до двух тысяч англичан, желающих получить здесь удовольствие своей далекой родины.

В Севастополь я попадаю уже почти ночью. На медном занавесе сумерек отчетливо вырисовывается рельеф Херсонесского плато. Я очень хорошо различаю деревенский дом, в котором размещался штаб английской армии. Вдалеке зажигается Херсонесский маяк, расположенный позади французского кладбища. Как они одиноки, наши бедные, погибшие солдаты! Я вздрагиваю от мысли о том, как они страдают в этой чужой земле...

Херсонес

Вплоть до VI-го века до нашей эры маленькое Херсонесское плато, окаймляющее Крымский полуостров с юго-западной стороны, было местом обитания богов и редких счастливых смертных, допущенных в эту августейшую обитель. Возможно, иногда жарким летним днем какой-нибудь заблудившийся, скрывающийся или побежденный тавр приходил сюда, чтобы омыть в морской воде

свои раны или освежить измученные, пылающие члены. Но эти варвары торопились вернуться в горы, туда, где больше тени и где больше источников пресной воды. И вновь в складках глубоководных бухт, среди скал воцарялась тишина, прерываемая лишь криком чаек и шумом морской волны.

Этот почти плоский шип крымской земли, упирающийся в горную цепь, тянущуюся от Балаклавы до Феодосии, слишком сильно напоминал кочевникам-скифам долгие, безводные и монотонные степи на востоке полуострова, которые им уже когда-то пришлось пересекать. А так как для полного счастья этим кочевникам было достаточно лука, буйвола и повозки, их мало интересовали большие возможности для мореплавания, предоставляемые многочисленными бухточками этих мест.

Впрочем, военный флот Дария нередко крейсировал вдоль берегов Тавриды, и эти мореплаватели не могли не заметить данную часть побережья, где, как по мановению волшебной палочки, неожиданно исчезают горы, уступая место низкому берегу, украшенному многочисленными естественными бухтами, такими ценными убежищами от коварного Черного моря. Когда наступили более мирные времена, бесстрашные моряки вспомнили о Крыме и вновь вернулись сюда. Самыми первыми оказались гераклеоты, которые раньше всех осознали коммерческие выгоды данного региона. Правда, в самом начале им пришлось вести переговоры с местным населением, быстро уступившим грекам эту, ничего не значащую для варваров, часть территории в обмен на регулярную выплату дани. Новые поселенцы сразу задумались об обороне от своих опасных соседей с их подозрительно добрыми намерениями. Для этого вдали от гор на самом краю миниатюрной полуостровной косы Фанари они основали город, прозванный Херсоном. Кроме этого, вдоль побережья с севера на юг, у самого основания гор они выстроили длинную стену с оборонительными башнями. Укрепившись таким образом, гераклеоты активно приступили к обустройству своей новой колонии, и вскоре их торговля расцвела. К сожалению, случилось то, чего боялись с самого начала. Вид богатств молодого гераклеотского Херсонеса вызвал зависть у горных скифов, которые, пренебрегая ранее взятыми на себя обязательствами, увеличили свои требования и постоянными грабежами стали разрушать молодую республику. Единственным спасением для гераклеотов стало обращение за покровительством к Митридату.

Несколько веков спустя, почти в начале нашей эры один странствующий по этим местам географ из Амазии по имени Страбон обнаружил лишь развалины на месте первого поселения херсонеситов.¹ Вместе с тем ему посчастливилось посетить новый, находившийся под покровительством Митридата и Рима, Херсонес, построенный гераклеотцами в семи верстах от старого. Этот знаменитый город был расположен в окрестностях Ктенунта², в нескольких стадиях от древней стены, все еще обороняющей с востока территорию маленькой республики.

У города имелись свои защитные сооружения с главным входом, свой акведук, свои дворцы, длинные улицы с домами из тесаного камня и с колоннадами из мрамора; площади и статуи великих людей, храм Дианы. Позже здесь еще появились и прекрасные церкви. А вдалеке по всей площади плато были разбросаны многочисленные богатые деревни Херсонеса.

Незаметно и неожиданно город приобрел еще одно важное значение. Херсонес превратился в неприкасаемую резиденцию для переговоров варваров с Римом, Константинополем и Пантикапеем. Именно здесь осуществлялись обмен пленными, выдача заложников, переговоры о сделках; и позже, именно в

¹ Предположительно п-ов Маячный. – Прим. переводчика.

² Сейчас территория Севастополя. – Прим. переводчика.

Херсонесе появились первые миссионеры, посланные сюда с целью обратить в христианство все те языческие орды, от ярма которых никак не могла освободиться древняя Таврида.

По этим улицам Херсонеса ходили известные исторические персонажи. Однажды этот город пересек закованный в цепи папа Святой Мартин. Константин Второй отправил его в ссылку за то, что Мартин предал анафеме монофелитов. Папу заточили в зловонное ущелье в окрестностях Ктенунта, где его ждала мученическая смерть. В другой раз в гавани Херсонеса высадился изгнанный и искалеченный народом император Востока Юстиниан Второй. Всеми осмеянный, известный под кличкой *ринотмет* («с отрезанным носом») Юстиниан провёл в Херсонесе долгих десять лет, вплоть до того момента, как, смещённый со своего трона болгарским царем, он отомстил херсонеситам за все свои унижения. Здесь также побывал святой Кирилл, посланный патриархом Игнацием с целью обращения в христианство хазар. Потом сюда пришел великий литовский князь Гедимин со своим сыном Ольгердом. В Тавриду их привела междуусобная борьба с русскими. Они же однажды и разрушили столицу херсонеситов. После набега этих двух разбойников-грабителей от древней республики остались лишь прекрасные развалины и несколько торговцев, вынужденных вскоре покинуть это место ввиду ревнивой конкуренции со стороны генуэзцев.

Но даже от этих изящных руин, часть которых сохранялась вплоть до завоевания Крыма русскими, сегодня уже почти ничего не осталось. Все особо величественное было вывезено алчными турками для украшения дворцов Константинополя, а остатки были использованы кощунственными руками для постройки современного Севастополя. Поэтому сейчас, в конце XIX-го века я могу сказать о новом Херсонесе Страбона только то, что он писал в начале нашей эры о древнем Херсоне: *nunc diruta*, – все разрушено до основания.

Херсонес расположен в трех километрах от Севастополя между бухтами Карантинной и Стрелецкой. Еще за целый километр до него виднеется большая церковь Рождества, строящаяся вот уже в течение тридцати лет на том самом месте, где, как говорят, князь Владимир принял крещение. Это большое многоэтажное строение в ярко выраженном тяжеловесном византийском стиле. Церковь имеет форму креста с единым центральным куполом; галереи, идущие вдоль верхнего этажа, освещаются маленькими окошками в форме декоративных арок, разделенных сдвоенными мраморными колоннами, что со стороны несколько уменьшает религиозный характер строения. Эта церковь вместе с древними развалинами Херсонеса находятся на территории монастыря, основанного в 1850-ом году. Я прохожу деревянные ворота, увенчанные прозаичным изображением из Писания; слева от меня возникает низенький домик, перед ним садик, а в садике – очаровательная русская девушка, энергично начищающая самовар. Это деревенская девушка, роза полей. Ее светлые волосы отливаются оттенком недавно скошенного сена, ее крепкие розовые руки могут задушить в своих объятиях любого...

С первого взгляда я убеждаюсь в том, что монастырь не выглядит отталкивающим. Маленький домик оказывается гостиницей для паломников, а сама обитель монахов достаточна удалена для того, чтобы посетители не мешали тем молиться. Я поворачиваю налево и вступаю на аллею, ведущую к строящейся церкви. По сторонам этой аллеи стоят несколько мраморных колонн с искусно обработанными капителями. Колонны помечены длинными элегантными латинскими крестами. Сейчас пока еще трудно что-либо сказать о самой церкви, внутри которой всюду трудятся каменщики и художники. Но в крипте мне все же удалось лицезреть стены древней церкви. Их покрыли мрамором.

Также я увидел купель Владимира, а в приделах, над каждой из дверей – росписи, рассказывающие об истоках христианства в России. К сожалению, верхний этаж настолько загроможден строительными лесами, что очень трудно судить о том, что из себя представляют эти стены, на которых сквозь деревянные стропила проглядывают отдельные лоскуты росписи. Выйдя из церкви, я замечаю на земле вокруг нескольких площадок, покрытых плитами, – остатки фундамента. Это, без сомнения, руины христианских храмов с их полукругло спланированными хорами и удлиненными нефами.

Раскопки, проведенные у берега моря, обнажили целый подземный город. Конечно, не все строения были монументальны, но эти древние камни рассказывают нам о таком далеком прошлом, что нельзя не относиться к ним с почтением. Поэтому с особым интересом я разглядываю рабочих, тщательно просеивающих землю, где иногда попадаются то ржавый рыболовный крючок, то стеклянная безделушка, то таинственный амулет, то разъеденная временем монета или фрагменты выщербленной глиняной посуды, – все те драгоценные мелочи, которые заставляют мечтать об исчезнувшем мире. Подойдя ближе к морю, я замечаю языческий храм с хорошо сохранившейся мозаикой. Посередине мозаичного узора в форме нескольких концентрических колец изображена птица Юноны, прекрасный павлин, распутивший свой драгоценный хвост. По углам мозаики изображены голуби, любимые птицы Венеры.

Далее расположен еще один храм, яркое свидетельство междуусобных войн, проходивших здесь во имя религии. В основание христианского храма небрежно сброшены изящные языческие колонны, а над ними лежат христианские колонны с крестом, сброшенные, без сомнения, татарами или турками. Проходя мимо этого храма, я постоянно думаю об одной, раздражающей меня, детали. Почему над каждой храмовой мозаикой оборудован отдельный навес? Это мешает видеть весь комплекс сразу. Ведь если мы каждый алмаз из короны поместим в отдельный футляр, мы лишимся самой короны.

Этот храм занимает небольшую территорию, не лучше ли было бы сделать навес над всем строением. Это, по-моему мнению, было бы более логично и дешевле.

Некоторое время спустя, у выхода из монастыря я повстречал монаха, ответственного за хранение музея. Он предложил мне осмотреть музейную коллекцию, на что я с благодарностью согласился. Между прочим, из этого монаха вышел бы замечательный сапер! Большой, широкоплечий, с руками, способными, играючи, управляться с топором. Несмотря на некоторую шероховатость, его лицо довольно симпатично. Оно похоже на голову доброго пса с доверчивыми карими глазами, крупным носом и толстыми губами, обнажающими красивые белые зубы, контрастирующие с исконно русской черной бородой. Он ведет меня в музей монастыря, представляющий собой застекленный внутренний дворик, куда собрали все то, что сочли недостойным Эрмитажа. Вооружившись указкой, монах указывает мне на экспонаты, неуклонно повторяя заученный текст каждый раз, когда я по неосторожности задаю ему какой-либо вопрос. Здесь находятся несколько камней с почти неразличимой надписью на греческом языке, красивые фрагменты статуи и глиняной посуды, найденные при раскопках ящички, полные почерневшей от сырости пшеницы, огромные пузатые глиняные кувшины, где хранили масло и вино; каменные и деревянные грузила; якоря, рассыпающиеся при прикосновении к ним; куча бесформенных железок; не представляющие особой ценности украшения; наконец, несколько монет, в том числе две из золота. В углу монах указал мне на несколько крепостных ружей, одну французскую винтовку и две маленькие медные пушечки, которые наши артиллеристы носили на киверах. Приблизив

одну из пушечек к своему монастырскому клобуку, мой гид, как заправский артиллерист, попытался продемонстрировать мне обращение с этим оружием.

По окончании осмотра музея я пожал монаху руку, дал ему рубль и был приятно удивлен его эмоциональным ответом:

«А ведь вы – француз. Я угадал? Во время войны ваши соотечественники заняли наш монастырь, а один из генералов жил вон в том доме. Как рассказывали старики, вы всегда по-хорошему относились к нам, не то, что англичане!» Он низко поклонился мне и ушел.

*Вечность, небытие, прошлое, мрачные бездны
Что сделали вы с поглощенными вами днями?*

Именно эти строчки приходят мне на память в ту минуту, как я покидаю Херсонес. Я вспоминаю увиденные мною в музее безымянные стеклянные бусы. Время сохранило их, но не оставило ничего, что могло бы рассказать об их владельцах, о мимолетных романах, тайных драмах, интимных комедиях дворцов и убогих лачуг; о страданиях, о малых радостях, о героизме неизвестных нам людей. Почему у всего этого нет своих руин? Ведь, обладая душой, такие руины выглядели бы куда красивее.

Инкерман

Путь по морю из Севастополя в Инкерман более приятен, интересен и менее утомителен. Я сажусь в ялик, бриз наполняет его парус, и вот уже лодка скользит по прозрачной воде, и ты как будто летишь во сне. Мы проплываем мимо безлюдных кораблей эскадры. По верхним палубам прогуливаются часовые, а на нижних палубах можно увидеть двух-трех офицеров, беседующих друг с другом, чтобы не заснуть от скуки. Затем мы проходим мимо толстой «Поповки» и, взяв курс на запад, огибаем маленький мыс Петра и Павла, чтобы попасть в большую бухту. В течение всего этого времени слева от нас мы проплываем окраины Северной стороны с ее защитными сооружениями, Братское кладбище; справа – Доковая слобода, изящные Аполлонова и Ушакова балки и, наконец, неглубокая бухта с береговым редутом. Все это мелькает перед моими глазами, как страницы альбома, которые перелистываешь в страшной спешке. Дело в том, что наполненный ветром парус со своим канатным блоком, издающим звуки, похожие на крики чаек, постоянно прижимает нас к воде. Я вижу свое отражение, похожее на гигантскую птицу, несущуюся по небу.

Достигнув бухты с ее двумя маяками, мы почти сразу же углубляемся в речку «Черная» и плывем между двух изгородей из камыша. Наш ялик сложил свои крылья, как голенастый, опустившийся на пруд. В течение версты мы грести на веслах, и, как только лодка причалила к пирсу, я спрыгнул на него и поспешил к печально известным Инкерманским высотам.

Вскоре я уже шел по полю битвы, где еще и в наши дни находят останки убитых и различные пули. Что меня поражает в тех местах, которые видели такие ужасные битвы, такие страшные агонии, слышали шум войны, хрипы смерти, – так это тишина, абсолютная тишина, проникающая мягкость которой похожа на жестокую насмешку, увлажняющую глаза и заставляющую кулаки сжиматься.

На севере, там, где протекает река Черная, плато круто обрывается. Вдалеке пасутся кони, слышится гудок паровоза, еще дальше, до самого горизонта нежно сплетаются друг с другом ущелья и долины. Все то же торжественное солнце освещает этот край: там, вдалеке плодородные земли татар, их сады и виноградники; здесь, под моими ногами – место, которое наши солдаты прозвали «Скотобойня».

Какой же чудовищной была эта стычка у густых зарослей кустарника, скрывающего врага, перемешивающего оружие, парализующего продвижение и удерживающего целые ряды медленно оседающих на землю убитых с мертвенно-бледным, страшным оттенком лица и широко раскрытыми безжизненными глазами!

Конечно, эта победа ласкала самолюбие сильных мира сего, заставив лорда Реглана заявить Боске: «Генерал, вместо одной руки я бы хотел иметь четыре, чтобы всеми ими одновременно пожать вашу руку!», и если существует Бог сражений, ему бы понравилось такое кровавое жертвоприношение, когда даже не успевали хоронить всех погибших.

Я прохожу это безжизненное поле во всех направлениях, опасаясь потревожить малейший бугорок: ведь под ним может оказаться чье-то тело. Обойдя плато и приблизившись к берегу реки, я, кажется, обнаружил именно тот грот, где несколько месяцев спустя после битвы еще находились непогребенные останки солдат, а ниже, в овраге год спустя после сражения один из моих соотечественников увидел тело русского солдата, лежащего с запрокинутыми за голову руками, сквозь пальцы которых пробивались весенние цветы...

Направляясь к монастырю, я с благоговейностью зачерпнул немного земли, так обильно политой нашей кровью, и подумал о всех тех матерях нашей далекой Франции, которые в своих ночных и дневных кошмарах постоянно видели этот забытый уголок земли, эту страшную скотобойню.

Вскоре я уже подхожу к «пещерному городу» – Инкерману. Некоторые исследователи именно здесь располагают древний «Ктенунт», который, по моему мнению, все же находился на месте современного Севастополя. Тем более, что Инкерманская крепость более похожа на генуэзские сооружения, повсеместно встречающиеся нам на протяжении всего побережья. Остатки этой цитадели сегодня не представляют из себя ничего особенного, чего не скажешь о скальном массиве, на котором она возведена. Это известковое образование, слегка нависающее над современным монастырем, представляет собой целый монастырский пещерный городок, состоящий из бесчисленных келий, коридоров, лестниц и часовен.

Говорят, что именно здесь скрывался папа Мартин Первый, когда император Константин Второй, похитив его из Рима и доставив в Константинополь, выслал затем в Херсонес.

Позволительно будет также предположить, что создателями этих пещер являются монахи-еретики, бежавшие от преследования церковных соборов. Эти монахи быстро оценили мягкость местного камня, а также большую религиозную терпимость языческих варваров по сравнению с христианским миром.

Передвигаясь по этому подземному городу, пропитанному влажностью и селитрой, я обнаруживаю в церкви, вырубленной в скале, снаряд, залетевший сюда во времена осады. Один только вид этого снаряда сразу же напомнил мне историю, связанную с ним.

Это случилось после Инкерманского сражения. Отступая, русские перешли мост на Черной речке и скрылись где-то в этом месте. Мост был незамедлительно взорван французами, чтобы не дать противнику возможности вер-

нуться по нему назад. С целью предотвращения восстановления моста, на соседних высотах были выставлены караулы. И вот однажды ночью со стороны монастыря послышался шум восстановительных работ. По тревоге в эту сторону было выпущено несколько снарядов. Сразу все стихло. На следующий день монах-парламентер попытался выразить претензии по поводу «кощунственного» ночного обстрела монастыря. Ему было заявлено в ответ, что монахи, как и в мирное время, всегда вольны звонить в колокола, вести службу, прося у Бога покровительства для своих соотечественников, однако, все другие формы противодействия противнику им запрещены.

С тех пор часовые по ночам слышали лишь звон колоколов и мирные монашеские песнопения.

Я бросаю беглый взгляд на современный монастырь, состоящий из нескольких низких домиков и большого здания без купола, окруженных деревьями, и неторопливо возвращаюсь к лодке, где мои гребцы по уши погрузились в поедание арбуза цвета зерен спелого граната.